

Художественный
руководитель
Театра «Современник»/
народная артистка СССР
Галина ВОЛЧЕК
отвечает на вопросы
журналиста **Ольги БЕЛАН**.

Нужно прожить долгую жизнь, чтобы понять свое место в ней. А иногда и жизни не хватает, и в сущности, это такая несправедливость: мудрость приходит только с годами, где-то под финал комедии, называемой жизнью. А ведь именно в молодости она нам так нужна! Как и другие блага жизни: квартира, машина, сносный комфорт появляются где-то в лучшем случае на рубеже сорока лет, если, конечно, нет мощной отцовской длани. А молодость — это бескомфортность, бездомность, безденежье, скитания. Борьба за выживание...

Обо всем этом я думаю в уютном доме Волчек, сидя на изящном удобном диване. Здесь нет ни богатства, ни вычурности, а есть тот особый дух тепла, обаяния и гостеприимства, который не хочется покидать. Тихо позвякивают часы с колокольчиками. Я сижу и философствую про себя, а Галина Борисовна пытается отбиться от телефонных звонков, но, прямо скажем, ей это плохо удается. Она что-то прочитала в моих глазах и кивнула на свою комнату:

— Все это я покупала у старьевщиков за бесценок, тогда это еще не было модно. Самая дорогая вещь — диван, на котором вы сидите, он стоил 40 рублей. Все это хранилось на чердаках у друзей, потому что своего жилья у меня долго не было. Я и с сыном из роддома пришла в комнату, которую мы тогда снимали. Но красивое люблю с детства.

— **Вот о красоте я вас как раз и хотела спросить. Что это такое, по-вашему? То, от чего нельзя отвести глаз? То, что потрясает? И что тогда есть женская красота?**

— Это очень сложный вопрос. Мы с отцом в эвакуации жили в Алма-Ате, в доме, который называли «лауреатником», потому что там жили известные артисты. Я была ребенком, и для меня эталоном красоты была Людмила Целиковская.

— **Наверное, жизнь в «лауреатнике» повлияла на ваше решение стать актрисой?**

— Я вообще росла в кинематографической семье, но по всем понятиям того времени не подходила под актерский стереотип. Я была некрасивой. А в то время мода на некрасивых актрис еще не пришла. Но я твердо решила идти в театральные и хранила это в страшной тайне.

Я росла с отцом, родители рано разошлись, а он, надо признать, никогда не навязывал мне своего мнения, не «давил» в отличие от мамы. Она была очень сильным человеком и старалась всех поднимать под себя. Я многое потом делала вопреки, назло ей...

— **Вы не боялись, что вас, как вы считали, некрасивую, не примут в театральный?**

— Видите ли, с одной стороны, я была страшно неуверенной, а с другой — очень целеустремленной. Я сдавала экзамены в Школу-студию МХАТ, но тут вмешалась мама. Все, говорит, поступают сразу в несколько вузов, давай и ты куда-нибудь еще пробуй. Она и потащила меня в вахтанговское училище.

Пришла в училище, в коридоре встречаю человека. Он мне объяснил, что прием документов закончился, уже идут конкурсные прослушивания. Я в душе перекрестилась! А он посмотрел на меня с жалостью и говорит: «Не жалеете, что опоздали, все равно

Я просто РЕДКО в зеркало смотрю

с вашими данными вам не поступить». И вот тут меня «понесло». В меня прямо бес вселился! Не помню, что я говорила, но я так на него наступала, что он без всяких документов повел меня в приемную комиссии.

А теперь представьте меня: очень крупная девушка, на затылке заколота коса, по-мужски сшитый костюм. Девочкам, которые со мной вошли в аудиторию, конечно, не повезло. Приемная комиссия — а это был цвет тогдашнего Вахтанговского театра — смотрели только в мою сторону. Они перешептывались, еле сдерживая смех.

Я стиснула кулаки так, что на ладонях остались кровоподтеки. И начала читать. Потом председатель комиссии Шахматов всех попросил выйти, а меня подоить к столу. Через ужасное унижение я сделала шаг к столу — первый шаг в эту жуткую профессию.

— **Вы, наверное, тогда плохо себе представляли, что значит быть актрисой...**

— Вообще не представляла! Помню, как я была потрясена, когда еще студенткой услышала из уст Аллы Тарасовой: «У меня на кухне стоит диванчик, он один знает, сколько слез я проливаю».

Жизнь артиста... Вечная зависимость от вкуса режиссера, вкуса публики, времени, репертуара, от моря случайностей.

— **Но ведь вы немало снимались в кино?**

— Кинематограф меня, я убеждена, просто обворовал — я даже близко не подошла к той роли, которую могла бы сыграть.

— **В «Осеннем марафоне» вам, по-моему, удалось показать ярчайший тип...**

— У Даниили согласилась играть, потому что это Даниеля. Я люблю его. Когда-то снялась в его дипломной работе...

К сожалению, зрители чаще всего знают артистов по фильмам. Особенно на периферии. Терпеть не могу, когда меня узнают на улице как актрису кино. Однажды на рынке у меня был случай. Останавливает меня один человек и кричит на весь рынок: «Господи, посмотрите на нее — она вовсе не такая страшная, какой ее показывают в кино!» Но бывают и приятные минуты, когда останавливают на улице и желают успехов театру.

— **Мне все-таки кажется, что вас больше знают, как главного режиссера любимого и популярного театра. И согласитесь, что все-таки популярность несколько облегчает жизнь?**

— В чем-то, наверное, да. В парикмахерской, например, часто женщины

просто не позволяют мне встать в очередь. Это очень трогает. Был однажды даже курьезный случай, кажется, в Лужниках, в общественном туалете. Я вошла, встала в конец очереди. Все стали перешептываться, оглядываясь, пригласили меня вперед. Но тут уж я была тверда и отстояла очередь до победы.

— **Вы часто ходите в парикмахерскую?**

— Стараюсь раз в неделю. Прическу облегчила до минимума, чтобы не возиться.

Видите ли, я никогда не обольщалась на свой счет, никогда себе не нравились, но и особых комплексов никогда не испытывала. Просто редко в зеркало смотрю.

Женщина обязана быть красивой. А если она себя таковой не считает, надо искать свой стиль, манеру поведения. Меня, например, всегда спасало чувство юмора и самоирония.

— **В вашей работе режиссера, которая считается истинно мужской, вам не мешает то, что вы женщины?**

— Может быть, в каком-то смысле благодаря этому я и стала режиссером. Я ждала ребенка и маялась от своего вынужденного безделья. А в это время группу молодых актеров собирались уволить: ставилась под сомнение их профессиональная пригодность. Они решили доказать свою жизнеспособность и поставить спектакль. Мне сказали: все равно ты свободна, посиди на репетициях, помоги. Из этого сидения на стуле родился спектакль «Пять вечеров». Молодые артисты себя полностью реабилитировали, второй вариант спектакля включили в репертуар. Первый, поставленный Олегом Ефремовым, уже с успехом шел в театре. После этого я поставила спектакль «Двое на качелях». В общем, так это все началось.

— **Режиссер — это профессия исследователя, психолога и лидера, конечно. Но ведь лидер — это все-таки не совсем присуще женщине...**

— Вот я и маюсь уже двадцать лет. У нас ведь режиссер, к тому же главный, кроме чисто творческих задач, должен решать еще и массу житейских вопросов. Я успеваю устать, еще не дойдя до репетиционного зала. Я и за границей люблю работать не только потому, что режиссерский труд там оплачивается намного выше, но там я ставлю спектакли, занимаюсь только своей работой. Недаром я называю это профессиональным санаторием.

— **Но женское начало все-таки помогает или мешает работе?**

— Я знаю женщин, владеющих абсолютно мужской рукой в режиссуре, и знаю мужчин, которые работают по-женски.

Режиссеру нужно иметь колоссальное терпение и запрягать подальше собственное самолюбие. Так хочется иногда швырнуть в артиста, который никак тебя не понимает, какой-нибудь увесистый предмет, а вместо этого надо ему проникновенно сказать: «Я тебя понимаю, ты прав». Терпение — это вот истинно женское. Конечно, я иногда срываюсь, бывает, кричу, но чаще всего добиваюсь нужного лаской, хитростью, уговорами. Режиссер — всегда и обидчик, и друг артиста. В нашей работе вообще всегда неизбежны обиды, боль... Мы любим друг друга и ненавидим одновременно. Это нормально.

— **Лидерские качества, видимо, осложняют личную жизнь?**

— Конечно, ведь тут нужен партнер, который сильнее, который может подчинить, закабалить. Меня вот никто не сумел...

Я была дважды замужем. Мой второй муж — прекрасный человек, умница, талантливый ученый. Но я понимаю, что он чувствовал себя... достаточно неуютно, когда иногда в компании его представляли как мужа Волчек... Он, например, мог прийти вечером в те-

атр, а у меня в кабинете после спектакля — иностранная делегация. Он говорит: «Извините, но моя жена устала, ей пора спать». Конечно, это мужской поступок, но представьте мое состояние и наш разговор после этого... И он справедливо обвинял меня в том, что мой дом — это театр, а театр — мой дом.

— **В вашем ужасно быстром жизненном темпе что вам облегчает жизнь?**

— Мой сын Денис и моя невестка Таня. Денис — кинооператор, много ездит, и основная тяжесть нашего быта ложится, конечно, на Таню. Она сама работает, но снимает с меня массу житейских проблем. А Денис — мой главный советчик и самый строгий судья. Я очень благодарна ребятам. Мне помогают в жизни врачи, которые всегда умудряются подстроиться под мой ритм. Я даже назову их фамилии, потому что это редкий случай их благодарить, — Абрам Львович Сыркин и Майя Борисовна Печерская. Машина. Я больше двадцати лет за рулем и не мыслю себя без нее. В театре есть служебная машина, но ею пользуются только по нуждам театра. Иногда, правда, когда совсем зашиваюсь, прошу шофера заправить мою машину. Это максимум моего злоупотребления служебным положением.

А вообще ритм моей жизни сверхскоростной. Когда я стою в очереди или лечу в самолете, я просто физически ощущаю, как я теряю время.

— **Вы пользуетесь услугами портнихи, имея возможность носить фирменные вещи?**

— Для меня это тоже процесс творчества. Я люблю выбирать ткань, придумывать новый фасон, подбирать пуговицы. А примерка — это отдых, возможность переключиться на другое.

Я вообще что-то делать руками не очень умею, могу только испортить. Мой большой друг Алиса Фрейндлих научила делать меня украшения из пуговиц: говорит, очень отвлекает и успокаивает. Действительно, я вечерами иногда занималась пуговицами, и усталость уходила. У всех моих друзей есть мои пуговичные бусы. Но сейчас и на это времени нет...

— **Когда начинается ваш день?**

— В 10.30 в театре начинается репетиция, но до этого я успеваю многое сделать. Выпить кофе, привести себя в порядок. С 9 до 10 обычно у меня деловые телефонные переговоры. Я уже в совершенстве овладела искусством делать домашние дела, зажав телефонную трубку между ухом и плечом.

— **А вечера?**

— Если нет спектаклей, каких-то срочных дел в театре, люблю быть дома. У меня, знаете, так долго не было своего дома, что теперь я с удовольствием просто сижу на своей кухне под абажуром.

— **Как при таком режиме жизни вы воспитывали сына?**

— Мне помогала няня. А я стремилась быть с ним естественной. Очень рано начала обсуждать с ним взрослые проблемы. Если мне хотелось плакать — плакала, если смеяться — смеялась. Всегда воспринимала его как равную себе личность. Поскольку я всегда помнила диктат матери, старалась во всем уважать его, не подмигивать, не ломать. Единственный раз я злоупотребила своим авторитетом: взяла с него клятву не пить и не курить до 16 лет. И он клятву сдержал: звонил мне вечером и говорил: «Мама, я на дне рождения, можно выпить стакан пива?»

— **А вам самой никогда не хотелось бросить курить?**

— Хотелось, это вообще мне страшно мешает в жизни. Но, видите ли, я всю жизнь была обязательным человеком, даже на свидания никогда не опаздывала. Поэтому я не решаюсь брать на себя обязательство, которое не смогу выполнить. Даже если оно касается только меня.

В ДЕСЯТКУ